

Все началось с дрожи, тонким трепетом, который начался у основания его позвоночника и скользнуло вверх по всей длине его спины, между лопатками и через ребра. Он отыскивал свое сердце, скользя по крови в его венах и костному мозгу в его костях, и он сжался. В ушах у него звенело от крика, металлического вопля, такого же слабого и невесомого, как ветер, по которому он неся. Никто не слышал этого звука, крик предназначался только для его ушей.

Он знал это чувство, внезапное жужжание беспокойства, которое заставляло его колени подпрыгивать, а пальцы дергаться от беспокойной энергии. Это была не магия, по крайней мере, не та, к которой он привык, а что-то более древнее, гораздо более первобытное; он мог сосчитать, сколько раз испытывал это ощущение на одной руке, и у него все еще оставался лишний палец. Он хотел выбежать из комнаты, найти источник этого чувства; он знал, что ему понадобится не больше часа, чтобы найти его, но даже это было слишком долго. Они пировали, празднуя очередную битву, название которой он не удосужился запомнить, его отсутствие будет замечено, и, если это то, во что он верил, он не мог рисковать, чтобы за ним следили, не мог рисковать, чтобы его обнаружили.

Поэтому он ждал три дня и три ночи, пока закончится веселье, залы расчистятся, а его семья и товарищи уйдут, хорошо накормленные и счастливые. Только тогда он побежал, минуя дорогу сверкающих огней, которая вела к золотой обсерватории, он углубился в темноту гор и через свой тайный проход. Он приземлился в Мидгарде, царстве, куда не ступал уже много месяцев, и позволил этому вековому инстинкту привести его в коттедж, который был спрятан в тихой деревне и скрыт в сейдре[1].

Войдя в уютный дом и поднявшись по ковровой лестнице, он не издал ни звука; дверь в комнату, расположенную ближе всего к нему, была распахнута, что позволило тихому дыханию и бессвязному бормотанию глубоко спящих людей просочиться в коридор. Он проскользнул мимо приоткрытой двери, не разбудив ее обитателей, и направился в комнату напротив. Эта дверь была оставлена широко открытой, позволяя ему легко попасть в тщательно обставленную детскую; он был выполнен в бледно-кремовых и темно-синих тонах с впечатляюще точным изображением леса, окружающего большой эркер[2] на дальней стене. На полке, установленной на стене прямо напротив него, в окружении различных предметов, связанных с младенцами, стояла искусственная копия какого-то чешуйчатого рептилеподобного существа, чья пасть светилась безжалостным Пламенем. Нетрадиционный источник света убрал край теней и пролил мягкий, золотистый свет на невероятно маленькое существо, свернувшееся в гнезде из ярких одеял.

Он медленно приблизился к койке, с трепетом укорачивая шаг и утяжеляя его, и все же прошло всего несколько шагов, прежде чем он выглянул из-за края люльки. Ребенок не спал, он издавал тихие щебечущие звуки, когда крошечные кулачки взволнованно махали над ним. Однако в тот момент, когда он увидел незнакомца, смотрящего на него сверху вниз, его маленькое личико сморщилось в липкой улыбке, и он издал звук, подозрительно похожий на воркование.

Узел, туго стягивавший его грудь, медленно ослабевал, пока он снова не смог вздохнуть свободно, и все же его сердце все еще трепетало, а пальцы продолжали дрожать, когда он протянул руку, чтобы нежно провести по тонким волосам. Там не было ничего особенного, только легкий пушок, который едва прикрывал голову ребенка, но он был темным как смоль и таким же гладким. Лицо младенца было все еще мягким и круглым от молодости, но он мог точно определить, где оно заострится, если его скулы выступят, а подбородок наклонится, придавая ему изящную привлекательность человека благородной крови. А потом были глаза, зеленые глаза, большие, яркие и такие любопытные. Это были его глаза, это было его лицо, это был его сын.

Руки, которые вдруг стали необъяснимо твердыми, осторожно подняли ребенка с кровати и прижали к груди. "Привет," Пробормотал он, осторожно обхватив большой рукой голову ребенка, чтобы убедиться, что его шея правильно держится. "Я не совсем уверен, что эти смертные говорили тебе, но я твой отец, твой настоящий отец."

Ребенок ответил бессмысленным, но не менее веселым бульканьем, что вызвало на его лице легкую улыбку. "ах, ты еще не можешь говорить, но не бойся, еще несколько лет, и ты будешь править массажи только силой своего серебряного языка."

Пальцы запутались в ткани его туники, а крошечный кулачок потер усталые зеленые глаза и розовые губы, растянутые в зевке. Он начал шагать по несколько метров в каждую сторону, добавляя немного подпрыгивания к каждому шагу, когда он тихо напевал мелодию, которую его мать пела ему много раз, когда он был маленьким. Он не был полностью уверен, как это сделать, прошли столетия с тех пор, как он был так близко к ребенку, такому маленькому, но то, что он делал, казалось, работало; мягкое покачивание и мягкий тенор его голоса медленно убаюкивали ребенка. Младенец был в безопасности в руках Ниоруна в течение нескольких минут, и все же он обнаружил, что не может отпустить его в свою кровать, только мысль выпустить из рук сына заставляла его чувствовать себя холодно и одиноко.

Конечно, его чувства по этому поводу оказались очень незначительными, так как всего через несколько минут выбор был отнят у него. Из комнаты напротив донесся шорох сдвинутых простыней, затем сонное, смущенное бормотание. Он на мгновение остановился, чтобы сосредоточиться на словах, которыми обменивались супруги в соседней комнате.

"...прошло несколько часов с тех пор, как он издавал звук," говорил мужчина. "Я просто собираюсь провести его. Убедись, что с ним все в порядке."

Послышался скрип деревянной рамы кровати, затем тихий стук приближающихся шагов. Мужчина с темными волосами, взъерошенными то ли от сна, то ли от плохой генетики, вошел в комнату и сразу же остановился, когда его взгляд упал на незнакомого мужчину. "Что...?" карие глаза расширились. "Лили!"

Настойчивый лай его голоса немедленно привлек внимание других обитателей комнаты, жена мужчины в считанные секунды оказалась рядом со своим партнером, неся в каждой руке по палочке из замысловато вырезанного дерева.

Травянисто-зеленые глаза потемнели от ужаса, когда они мелькали от лица мужчины к ребенку, лежащему у него на руках. "Локи."

Мужчина, о котором шла речь, наклонил голову, позволив легкой улыбке тронуть уголки его губ. "Огненная Лилия." Женщина напряглась, услышав это прозвище. "Прошло какое-то время, я вижу, ты был занят."

Лили нахмурилась, явно не в настроении для любезностей. "Чего ты хочешь? Что ты здесь делаешь?"

Локи вздохнул, словно был разочарован этими вопросами. "У меня сложилось впечатление, что наряду с необычайно красивым лицом и довольно талантливым ртом у тебя есть еще и мозги. Почему бы тебе не догадаться?"

Лицо Лили напряглось от этого грубого выпада, но она все же ответила: "Гарри."

Локи посмотрел на ребенка, свернувшегося у него на груди и все еще крепко спящего. "Так вот

как его зовут? Гарри? Это точно не сработает, это совсем скучно. Каково его полное имя?"

"Гарри Джеймс Поттер."

"Джеймс Поттер, хм? парень."

"Вообще-то, теперь муж," вмешался мужчина с карими глазами.

"Мазаль тов[3]," сухо ответил Локи. "Скажите мне, Джеймс Поттер, почему вы назвали результат любовной связи между вашим партнером и другим мужчиной в честь себя?"

"Это не было интрижкой и уж точно не имело никакого отношения к любви," отрезал Джеймс. "Мы переживали трудное время, мы оба делали вещи, которыми не гордились. Но мы уже прошли через это, и я не позволю тебе бередить старые раны. Я назвала его в честь себя, потому что мы никогда не знали, что он не мой. Мы не хотели знать, потому что это не имело значения; неважно, кто его породил, я его отец, он мой сын."

Локи незелегантно фыркнул. "Как трогательно. Правда, мое сердце просто ... тепло. Это не меняет того факта, что вы так невероятно неправы, несколько слов и наивных убеждений не меняют того факта, что это мой сын, мой. У тебя нет никаких прав на него."

"У него есть все права на Гарри," вмешалась Лили. "Джеймс-мой муж, он поддерживал меня во всем, несмотря на ошибки, которые я совершила. Он заботился обо мне, пока я была беременна, и он ничего не делал, кроме любви и заботы о Гарри с самого его рождения. Это ты не имеешь на него никаких прав."

Единственным признаком гнева Локи было потемнение в глазах, он хотел бы видеть, как эти смертные пытаются удержать его от сына. "Ты, кажется, забыла, Огненная Лилия, кто я и что я такое. Обычай моего народа не похожи на те извращенные идеологии, которым вы, смертные, теперь следуете; если бы я захотел, я мог бы забрать своего сына, отказать вам в посещении, и вы ничего не смогли бы с этим поделать."

Пальцы Лили сжались вокруг палочки так сильно, что костяшки пальцев побелели. "Это то, что ты собираешься сделать?" прошептала она, едва уловимая дрожь промелькнула в ее голосе. "Ты здесь, чтобы забрать у меня Гарри?"

Поведение Локи немного изменилось, смягчаясь перед лицом тихой боли женщины. "Нет, я не собираюсь этого делать. Нет слов, как сильно я хочу вернуться домой с моим сыном, но я не хочу подвергать его безопасности риску."

"Что вы имеете в виду?" спросил Джеймс, успокаивающе положив руку на поясницу жены.

"Мой отец," деликатно ответил Локи. "Если он узнает, что у меня был сын от смертного, то вполне может пожелать избавиться от него."

"Гарри его внук." Запротестовала Лили.

"И я его сын, но это никак не повлияло на его отношение ко мне и моим детям. Он всегда будет рассматривать их как угрозу. Нет, мой сын останется здесь, где ему будет безопаснее." Мальчик в его руках зашевелился и издал тихий звук недовольства, но Локи шикнул на него и начал мягко раскачиваться назад и вперед. "Ты не должен был давать ему имя, не спросив моего совета, имена-могущественные вещи," сказал Локи, когда ребенок успокоился. "Я не отниму его у него, что было бы несправедливо, однако, это не останется его единственным титулом. Он

будет действовать под именем Гарри Джеймс Поттер до тех пор, пока он пребывает в мире смертных, это будет просто еще одна линия защиты в сохранении его личности в тайне от моего отца. Но если когда-нибудь настанет время, когда его представят на Асгарде, он будет известен как Харальд Ивар Каден, сын Локи."

"Я...я согласна на это." Неохотно сказала Лили.

Локи усмехнулся, она точно не имела права голоса в этом вопросе, но он, тем не менее, оценил это чувство.

Он провел еще несколько мгновений, рассеянно покачивая Харальда, и в памяти всплыло ощущение, что он баюкает свое крошечное творение в недостойных объятиях. "Скоро мне пора будет откланяться. Если я останусь слишком долго, отец заметит мое отсутствие. "Он нежно заменил Харальда в своей кровати, аккуратно уложив его в одеяла." Я сотку вокруг него несколько защитных заклинаний, чтобы защитить его от взгляда моего отца и его слуг. Но я ограничен в том, что я могу сделать, я не могу защитить своего сына от всего, не тогда, когда я нахожусь в разных мирах. Помни, что он не простой смертный, в нем течет моя кровь, когда твой род узнает об этом, и будет ли это через несколько дней или через несколько лет, они будут бояться его так же сильно, как захотят использовать. Вы должны защитить его от этого, защитить его от них и всех, кто хочет причинить ему вред. Поклянись."

Джеймс и Лили даже не колебались, прежде чем кивнуть, с торжественной решимостью в челюстях[4] и блеском в глазах. "Так и сделаем."

И они это сделали. Они умерли, сдержав это обещание.

[1]- сейд или сейдр древнескандинавское ведовство, вид магии в древней скандинавии

[2]- Эркер (термин происходит от немецкого Erker) — это часть здания, выступающая за плоскость фасада, тем самым позволяющая увеличить внутреннее пространство жилища, а также улучшить его освещённость и инсоляцию (инсоляция это излучение от солнца, полученное поверхностью, которое происходит через оконные проемы в доме)

[3]- "Mazal tov". Пожелание хорошего счастья. на иврите звучит как "мазаль тов" но англо-говорящими тоже употребляется

[4]- да да так и написано -solemn resolve in the set of their jaws and the spark in their eyes-

<http://tl.rulate.ru/book/31431/677446>